ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

СТРАНИЦЫ ЖИЗНИ Н.Н. ТОЛСТОГО И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В ПОВЕСТИ «ХАДЖИ-МУРАТ»

Е.В. БЕЛОУСОВА

Музей-усадьба Л.Н. Толстого «Ясная Поляна»

Автор статьи вводит в научно-текстологический оборот неизвестный архивный документ, послуживший одним из первоисточников к повести Л.Н. Толстого «Хаджи-Мурат» – «Формулярный список» участника Кавказской войны Н.Н. Толстого, старшего брата писателя. Дан сравнительно-сопоставительный анализ текстов повести и «Формулярного списка», в результате чего выявлено заимствование Л.Н. Толстым фактов из военной жизни брата и их творческое переосмысление. Приведён пример отступления писателем от исторической достоверности в пользу наибольшей художественной выразительности.

Ключевые слова: типологизация, морально-этические взгляды, старший брат, поручик, Шамиль, итурм, «Муравейное братство».

Исследователи творчества Л.Н. Толстого давно пришли к выводу о том, что многие произведения писателя не только автобиографичны, но основаны на семейных преданиях и фактах биографии его близких и дальних родственников. В одних случаях внимание Л.Н. Толстого привлекал путь жизни кого-либо из них, даже если он не отличался выдающимися событиями; гораздо чаще в поле зрения художника попадали фамильные портретные детали, черты внешности, оттенки характера или поведения. Тем не менее, в самом начале своего творческого пути писатель нашёл очень мудрый художественный приём, от которого не отступал в течение всей жизни и который давал ему возможность умело скрывать близкого ему человека под маской литературного героя. Этот приём заключался в мастерстве преобразования конкретных деталей и фактов в масштабные, имевшие уже не частное, а типологическое, обобщающее значение, события, показанные Л.Н. Толстым сквозь призму своих философских, политических и морально-этических взглядов.

Несмотря на то, что практически все произведения писателя изучены, расшифрованы и переосмыслены многими поколениями учёных, в толстоведении остаётся ещё некоторая область неведения, приоткрывающая свои тайны совершенно неожиданно, когда ответ приходит из сферы иных знаний.

Как известно, самым близким человеком и лучшим другом Л.Н. Толстого был старший брат Николай. Однако в галерее художественных образов

писателя нет ни одного персонажа, прототипом которого стал бы Николенька, как его называли родные и друзья. Есть лишь едва уловимые штрихи, туманные реминисценции, символика имени – эти тонкие нити появляются в самых ранних повестях, остаются неразвитыми в черновых набросках оставленных сюжетов на протяжении всего творческого пути писателя. Однако есть произведение, где Л.Н. Толстой рассказал о нескольких днях из жизни брата, но поднял это описание до высочайшей степени генерализации. Это шестнадцатая и семнадцатая главы повести «Хаджи-Мурат». Увидеть в повести биографический элемент помог «Формулярный список о службе и достоинствах Батарейной № 4 батареи 20-й Артиллерийской бригады поручика Николая Графа Толстого» [5], хранящийся в Отделе рукописей Государственного музея Л.Н. Толстого в Москве. В основу центрального сюжета этих двух глав положены строки об участии поручика Н.Н. Толстого в зимней экспедиции 1852 г. в Чечню. «Формулярный список» – это ещё один первоисточник к «Хаджи-Мурату», не замеченный исследователями. Сопоставительный анализ эпизодов из вышеназванных глав с записями в «Формуляре» действий горной батареи, в которой служил Н.Н. Толстой, с 5 по 10 января 1852 г. подтвердит выводы, изложенные выше.

Накануне зимнего похода 1852 г., в первых числах января Н.Н. Толстой писал брату, находившемуся в Тифлисе: «Я в отряде уже неделю. <...> Им командует князь Барятинский <...>. С князем мы ходили очень далеко, в Большую Чечню, ночевали в ауле и возвратились с очень маленькой потерей, тут рассказывают про это дело, как про чудо, моё же мнение следующее: что действительно это движение очень смелое, но что ежели мы так счастливо возвратились, то это потому, что чеченцы нынешний год совсем не дерутся» [6, с. 96].

Ослабление противостояния чеченцев русским войскам, замеченное Н.Н. Толстым, происходило по многим причинам. К тому времени среди ближайшего окружения Шамиля наметился раскол, вызванный чрезмерным властолюбием и подозрительностью Имама. Он обвинил своего самого знаменитого и бесстрашного наиба Хаджи-Мурата в контактах с русской армией и в попытке захвата власти в Имамате. В знак протеста Хаджи-Мурат перешёл к русским. Это произошло в конце ноября 1851 г.

Переход Хаджи-Мурата имел большое значение для всего дальнейшего хода военных действий. Императору Николаю I было послано подробное донесение Главнокомандующего Кавказской армией М.С. Воронцова. В ответ на это царский указ, исторически верно переданный Л.Н. Толстым на страницах повести, гласил: «Твёрдо держаться моей системы разорения жи-

лиц, уничтожения продовольствия в Чечне <...>. Теперь, когда вышел Хаджи-Мурат, усиленно тревожить Чечню и сжимать её кордонной линией» [8, т. 35, с. 73]

Кавказское командование спешило исполнить приказ Императора, и войска готовились к походу, о чём Н.Н. Толстой сообщал брату: «Мы выступаем 5 генваря» [6, с. 84].

Шестнадцатая глава «Хаджи-Мурата» начинается так: «Во исполнение предписания <...> Николая Павловича, тотчас же, в январе 1852 года, был предпринят набег в Чечню. Отряд, назначенный в набег, состоял из четырёх батальонов пехоты, двух сотен казаков и восьми орудий» [8, т. 35, с. 76].

Принцип герменевтики, без которого невозможен детальный анализ художественного текста, подразумевает сравнение и интерпретацию содержания произведения и его первоисточников. Сообщение в № 4 газеты «Кавказ» за 1852 г. о начавшейся военной экспедиции соотносится как с указанными главами повести, так и с «Формулярным списком» Н.Н. Толстого. В газете «Кавказ» сообщалось: «5 января Чеченский отряд, сосредоточенный накануне в кр<епости> Воздвиженской, переправился на правый берег Аргуна и расположился лагерем близ бывшего аула Бани-Юрт <...>. Шамиль заблаговременно принял всевозможные меры, чтобы воспрепятствовать движению наших войск, двинул значительные толпы непокорных чеченцев и тавлинцев с 6 орудиями в Большую Чечню. <...> После нескольких пушечных выстрелов флигель-адъютант полковник князь Воронцов с батальоном вверенного ему полка пошёл на штурм Автура. Несмотря на крутой, почти неприступный берег Хулхулу, на котором расположен известный по богатству и населению более 900 дворов аул, войска наши заняли его немедленно. <...> Солдатам досталась богатая добыча. <...> Войска от Гельдигена возвратились на ночлег в Автур, истребив вокруг себя по дороге аулы, хутора и запасы сена» [4, с. 13-14].

В «Формулярном списке» Н.Н. Толстого то же самое записано кратко и без деталей: «В 1852 году 4 января сосредоточение чеченского отряда у кр<епости> Воздвиженской. 5-го переправа через реку Аргун и расположение лагерем у разорённого аула Бани-юрта» [5]. – Земля, по которой идёт Н.Н. Толстой, под пером его брата оживает и своей неземной красотой вызывает к совести тех, кто нарушает божественную гармонию: «Позади была только что перейдённая отрядом быстрая чистая речка, впереди – обработанные поля и луга с неглубокими балками, ещё впереди – таинственные чёрные горы, покрытые лесом, за чёрными горами – ещё выступающие скалы, и на высоком горизонте – вечно прелестные, вечно изменяю-

щиеся, играющие светом, как алмазы, снеговые горы» [8, т. 35, с. 77]. При чтении этих строк создаётся ощущение, будто мы видим данный пейзаж с высоты птичьего полёта, как это и бывает в горах, и сам собой является древний как мир, псаломский вопрос-обличение: *Зачем мятутся народы, и племена замышляют тщетное?* (Пс. 2: 1).

«Формулярный список» повествует далее: «6-го <января> движение генерал-майора князя Барятинского с большею частью отряда к аулу Автуру; взятие штурмом и истребление Гельдигена и Автура» [5]. Цитируемый документ – это беспристрастное перечисление направления движения войска, имён, фактов, топонимики уничтоженных аулов. Перо художника оживляет его строки действующими лицами и авторской позицией, и читатель узнаёт разные точки зрения на совершившуюся битву у стен аулов: «6 января 1852 года Шамиль возвращался домой в Ведено после сражения с русскими, в котором, по мнению русских, был разбит и бежал в Ведено; по его же мнению и мнению всех мюридов, одержал победу и прогнал русских» [8, т. 35, с. 85].

На следующий день Шамиль ждал колонны Барятинского у себя в ауле Ведено, расположенном южнее Гельдигена и Автура. «Формуляр» так отразил это: «7-го <января> наступление в ущелье Хулхулу; жаркое и удачное для нас дело с сбором Шамиля» [5]. – По ущелью Хулхулу протекает одноимённая река, на берегу которой в укрепленном ауле Ведено с 1846 г. была резиденция Шамиля. Сюда и направлялись войска. Цель Барятинского заключалась в захвате резиденции, «однако он вскоре понял авантюренность этого плана: до Ведено, может быть, он и дошёл бы, но вряд ли смог бы вернуться. При углублении русских войск вглубь Чечни горцы всегда успевали отрезать им путь и именно тут наносили им наибольший урон» [3]. – Строки «Формулярного списка» о «жарком и удачном деле» Л.Н. Толстой наполняет картиной начинающегося сражения: «Отряд свернул с хорошей дороги и повернул на малоезженую, <...> когда – не видно было, откуда – с зловещим свистом пролетело ядро и ударилось в середине обоза <...>. Вслед за ядром показалась из-за леса густая толпа конных чеченцев с значками. В середине партии был большой зелёный значок, и старый фельдфебель роты, очень дальнозоркий, сообщил близорукому Бутлеру, что это должен быть сам Шамиль» [8, т. 35, с. 77]. Прототип Бутлера – офицер Куринского полка и сослуживец братьев Толстых Ф.Ф. Кутлер был в том походе вместе с Н.Н. Толстым. Их рассказ лёг в основу описанной Л.Н. Толстым сцены встречи с отрядом Шамиля.

«Истребление Андийских хуторов и больших запасов сена и хлеба»¹, – продолжается в «Формуляре» перечисление «дел против неприятеля». –

Л.Н. Толстой показывает действующих лиц: «Бутлер с своей ротой бегом, вслед за казаками, вошёл в аул. Жителей никого не было. Солдатам было велено жечь хлеб, сено и самые сакли» [8, т. 35, с. 77].

«Формулярный список» не забывал упоминать и о других результатах: «10-го движение колонны генерал-майора барона Меллера-Закомельского к аулам, лежащим между Аргуном и Джалкою, атака неприятельской позиции и истребление пяти аулов» [5]. – В семнадцатой главе повести «Хаджи-Мурат» Л.Н. Толстой описал то, что повторялось каждый раз, когда армия входила в очередное селение: «Аул, разорённый набегом, был тот самый, в котором Хаджи-Мурат провёл ночь перед выходом своим к русским. Садо <...> уходил с семьёй в горы, когда русские подходили к аулу. Вернувшись в свой аул, Садо нашёл свою саклю разрушенной <...>. Сын же его, тот красивый, с блестящими глазами мальчик, который восторженно смотрел на Хаджи-Мурата, был привезён мёртвым к мечети на покрытой буркой лошади. Он был проткнут штыком в спину» [8, т. 35, с. 80].

Имел ли в виду Л.Н. Толстой какой-то конкретный разорённый аул или изобразил жестокую повседневность, повторяющуюся из похода в поход? Для выяснения этого необходимо вернуться к началу повести, где сказано, что «Хаджи-Мурат въезжал в <...> чеченский немирной аул Махкет» [8, т. 35, с. 80]. Избрав этот аул, Л.Н. Толстой отступил от исторической правды в сторону художественной выразительности. Так было сделано потому, что «писатель проявлял устойчивый интерес к топонимам. <...> В чём же особенность названия – Махкеты? Прежде всего, наименование аула исконно чеченское <...>. Имя аула характерно для Ичкерии, на территории которой расположено селение. <...> Название аула состоит из двух слов. “Мохк” – земля, “та” – суффикс “на”. А вместе – “На земле”» [2, с. 58]. Выбрав название аула с таким глубоко символическим названием, Л.Н. Толстой и таким необычным образом, взяв себе в помощники красноречивую горскую топонимику, выражал свой протест против войны, уничтожавшей уклад жизни тружеников-земледельцев.

На самом деле решающий поворот в судьбе Хаджи-Мурата происходил в окрестностях аула Автуры, разрушенного 6 января 1852 г., как повествует об этом «Формулярный список» Н.Н. Толстого.

Сохранился подлинный рассказ Хаджи-Мурата М.Т. Лорис-Меликову о своей жизни, с небольшими изменениями включённый писателем в повесть. Хаджи-Мурат так описывал свой переход к русским: «Узнал, что Шамиль в Автуре и делает сбор для совещаний, с несколькими мюридами я поехал туда. Ночью, подъезжая к самому почти Автуру, мне сказали, чтобы я

ни в каком случае не въезжал в деревню, ибо Шамиль хочет казнить меня. <...> Я бежал оттуда и вышел на Рошнинскую поляну. <...> С Рошни я направился к лесу, что у Чахкери. Оттуда послал трёх из людей моих к полковнику князю Воронцову с просьбой выслать для следования моего прикрытия. Князь Воронцов сам выехал ко мне с войском, и я прибыл в крепость Воздвиженскую» [1, с. 529-530].

Крепость Воздвиженская, основанная на левом берегу реки Аргун в 1844 г. недалеко от разрушенного аула Чахкери, опорный пункт всех наступательных операций против Чечни – это место, где разворачиваются события повести, главным из которых был приезд Хаджи-Мурата в эту крепость в конце ноября 1851 г. В «Формуляре» Воздвиженская упоминается постоянно: перед очередным походом в Чечню туда сходились войска из своих квартир, рассредоточенных по казачьим станицам. Во время приезда в крепость Хаджи-Мурата там никаких сборов войск не было, и Н.Н. Толстой не был свидетелем его перехода к русским.

При чтении «Формулярного списка» и оживших под пером Л.Н. Толстого его страниц невозможно не задуматься над тем, как духовно живой человек, участвовавший в бесконечных набегах, разорениях и сожжениях мирных аулов, мог выдержать всё это. Нравственно чуткие братья Толстые должны были особенно страдать от раздирающего противоречия: сочувствуя горцам, они должны были подчиняться приказам. Это возможно понять лишь в свете Евангельского Слова: *Отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу* (Мф. 22: 21). Послушание высшей власти, которое во все времена является законно оправданным, не затрагивает духовной стороны жизни человека, поскольку душа неподвластна земным правителям – об этом говорит Спаситель, чётко разграничивая земные и Небесные законы.

Братья Толстые исполняли долг, возложенный на них вышестоящими властями, которые несли за его последствия нравственную ответственность.

Духовные основы детского воспитания и молитвы рано ушедшей из жизни матери – благочестивой христианки М.Н. Толстой были для братьев надёжной защитой от растлевающего воздействия войны на душу и психику. Нет сомнения, что на Кавказе сказки-притчи Николеньки о «Муравейном братстве» и «Зелёной палочке» приобретали для них особую ценность, а далёкие детские стремления открыть тайну, «как сделать, чтобы люди не знали никаких несчастий, никогда не ссорились и не сердились, а были бы постоянно счастливы» [8, т. 34, с. 386], впоследствии станут центральной темой всех произведений Л.Н. Толстого, как художественных, так и религиозно-философской публицистики и трактатов.

«Ни один человеческий разум не в состоянии объяснить всю совокупность того зла и горя, которая названа одним коротким словом – война <...>. Как Господь может попускать такое несчастье людям, где же благое Его учение? На бумаге. Если бы оно было начертано в сердцах человеческих, люди жили бы в мире. <...> Мир придёт к народам, когда они очистятся от чумы безверия и греха. А иначе на наши крики: «Мир! Мир!» – отзовётся нам не мир, а война» [7, с. 415-416], – эти слова Святителю Николаю Сербского, написанные в начале XX века, перекликающиеся с проблемами, волновавшими и Л.Н. Толстого, вобрали в себя мысли и думы многих поколений людей, мечтающих о таком времени, когда *ни плача, ни вопля, ни болезни уже не будет; ибо преждее прошло* (Откр. 21: 4).

ЛИТЕРАТУРА

1. Акты, собранные Кавказской Археографической комиссией. В 12 томах. Тифлис, 1866-1904. Т. 10. 1885.
2. *Виноградов Б.С.* Он здесь жил и творил // Л.Н. Толстой и Чечено-Ингушетия. Сборник статей. Грозный, 1978.
3. *Гапуров Ш.А., Израйлов А.М., Товсултанов Р.А.* Чечня на завершающем этапе Кавказской войны. Страницы хроники русско-горской трагедии XIX века. Нальчик, 2007 // Сайт «Российский правовой портал. Библиотека Пашкова».
4. Кавказ. Газета политическая и литературная. Тифлис, 1852. № 4.
5. ОР ГМТ. Ф. 54. Инв. № 39589. «Формулярный список о службе и достоинствах Батарейной № 4 батареи 20-й Артиллерийской бригады поручика Николая Графа Толстого».
6. Переписка Л.Н. Толстого с сестрой и братьями. М., 1990.
7. Свяtitель Николай Сербский. Миссионерские письма. М., 2003.
8. *Толстой Л.Н.* Полное собрание сочинений в 90 томах. М., 1928-1958.

THE PAGES OF NIKOLAY TOLSTOY'S LIFE AND THEIR REFLECTION IN THE NOVEL "HADJI MURAD" BY LEO TOLSTOY

E.V. Belousova

Estate-museum of L.N. Tolstoy "Yasnaya Polyana"

The author of the article introduces into textological usage earlier unknown archive paper which served as one of the original sources for Leo Tolstoy while writing the novella "Hadji Murad". This is "The service record book" of the participant of the Caucasus War which belonged to the elder brother Nikolay Tolstoy. Through comparatively-correlative method of the contents of the novella and "The service record book" the author brings striking evidence of the facts borrowed from Nikolay Tolstoy military career and their artistic reconception. The author gives an example how Leo Tolstoy deviates from historical originality in favour of greater artistic expressiveness.

Key words: *typology, morale-ethic views, elder brother, poruchik, assault, Shamil, "Ant brotherhood"*.